

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЛИЯ СЕДАЯ

18+

ДЖИГИТ
Буду твоим пастухом

Лия Седая

Джигит. Буду твоим палачом

«Автор»

2026

Седая Л.

Джигит. Буду твоим палачом / Л. Седая — «Автор», 2026

- Сколько тебе пообещали? Говори, ну? Я уперлась ему в грудь ладонями, замотала головой от ужаса.- Вы больной! Пустите, я буду жаловаться!- Ты, кукла, теперь даже дышать будешь только с моего разрешения. А если я узнаю, что ты замешана в этом, я не хозяином твоим буду, я стану твоим палачом, поняла?-----Работа ветеринаром в горах Кавказа обернулась кошмаром. Элитные лошади погибают одна за другой, а приехавший домой сын хозяина подозревает в травле поголовья меня. Его угрозы пугают, но по-настоящему я боюсь только одного – жгучего мужского голода в черных глазах.

© Седая Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Амир	5
Глава 2. Амир	8
Глава 3. Олеся	11
Глава 4. Олеся	13
Глава 5. Амир	16
Глава 6. Олеся	19
Глава 7. Амир	22
Глава 8. Олеся	25
Глава 9. Амир	28
Глава 10. Амир	31
Глава 11. Олеся	34
Глава 12. Амир	37
Глава 13. Олеся	40
Г	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лия Седая

Джигит. Буду твоим палачом

Глава 1. Амир

– И давно так уже?

Пожилой уже, еще с юности знакомый мне конюх будто весь согнулся. Опустил плечи, поник.

– Два месяца уже, Амир. Ты не подумай, сынок, я никого не обвиняю, но делать что-то надо! Отец твой совсем руки, кажется, опустил.

Я запустил пальцы в гриву племенного жеребца и зло цыкнул.

Я приехал в родное имение только что. Вот буквально, сумка с вещами осталась на крыльце, куда я пытался подняться, чтоб дойти до отца. Только с самолета, только уволился в Москве и бросил все, чтобы вернуться сюда. Вдохнуть горного воздуха.

Но меня перехватили на пороге.

Привели в конюшню, вывалив по дороге обескураживающую новость о том, что в имении падеж. Я ведь не знал! Отец жаловался, что дела стали идти хуже и только.

А тут...

Лучшие, племенные лошади, чьих жеребят отец продавал за границу за крайне неприличные деньги, погибали.

– Тихо, Шейх, тихо, – я гладил жеребца, который родился в год, когда я вернулся домой из своей первой командировки. – Хоро-оший мой...

Конь качался.

Донской жеребец. Чистокровный, идеальный для племени. Полтора миллиона, как минимум, на четырех копытах. Шерсть, всегда горевшая на солнце ослепительным каштаном, теперь была тусклой и взъерошенной.

– Спокойно, богатырь, – под моей ладонью некогда сильное животное дрожало. Мускулистые еще пока ноги стояли нетвердо. – Случаи, что лошади вставали обратно, были?

– Нет, – конюх покачал головой. – Просто падают. Три дня и мы их отвозим на скотомогильник. Вот Шейх утром едва встал, значит, все.

– Что думаешь?

– А что тут думать, травят нас, – насунился он. – Отец твой отказался москвичам землю продавать, вот они и...

В конюшне от бетонных стен было гулко.

Густой воздух, наполненный прелью и как будто болезненным отчаянием. Жеребец обреченно вздохнул, скосил на меня карий глаз, и мне стало почти физически больно. Я видел многое в армейских командировках, да и после. Я этот взгляд узнал.

Не выживет он.

Ни один еще не выжил. И все, что я могу – лишь облегчить его страдания. Он – племенной. Его ценность – в породе. В силе, в его крови. Не в жалости.

– Отойди, – приказал я конюху.

Теплый, нагретый моим телом, металл Стечкина лег в ладонь.

Захотелось зарычать от бешенства и злости пока непонятно на кого. Я обхватил голову жеребца одной рукой. Прижался лбом к его лбу, заглянул в глаза.

Я не я буду, если не разберусь со всем этим дерьмом. Я в этом имении вырос, я на этих лошадях джигитовке учился в юности. Я обязан тут все решить.

– Прости, брат, – стало больно до свиста в легких.

Обычно блестящие и чистые глаза коня сейчас были мутными.

Ему плохо. Я поднял руку, прижал ствол пистолета к бархатной ямке за мягким ухом.

Выстрел в замкнутом пространстве – это не хлопок.

Это удар по барабанным перепонкам, по душе. Тело лошади, сотрясаемое до этого дрожью, резко обмякло и рухнуло мне под ноги.

Дернулась в последний раз, вытянулась нога, толкнула меня в ботинок копытом. А я только втянул воздух сквозь зубы.

Я убил красоту, что создал Всевышний.

Не было другого выхода, я знаю. Стекленеющие глаза сохранили последний, непонимающий действия человека, взгляд. И тоненькая струйка крови еще текла по шерсти.

Алая нитка уже оборванной жизни.

– Что за москвич приходил к отцу? – я обернулся к конюху, который прижал ко рту ладонь и смотрел на упавшего Шейха. – Ну?

– Богачев, – уже пожилой старик будто очнулся.

Заметить его повлажневшие глаза я успел. Он тут давно работает, лошади – его дети. Он каждого жеребенка пестовал с момента рождения до продажи.

Но тогда он отпускал их в лучшую жизнь.

Тогда они не умирали.

– Никита Богачев. Олигарх какой-то, говорят. Ему земля нужна наша. Пытался купить, приходил к отцу моему, а тот его послал. И началось...

– А ветеринара что, нет в имении уже? Почему я его здесь не вижу?

Я убрал пистолет обратно за пояс, спрятал под ветровку.

Это в Москве ранняя весна и холод, здесь уже почти лето, теплая куртка не нужна. Алыча вовсю цветет.

– Да есть-то есть. Только...

– Что только?

– Что тут происходит? – в воротах конюшни, в большом светлом проеме показалась темная женская фигурка с чемоданчиком в руках. – Ахмет Рустамович, что случилось?

Охереть.

А это что за кукла?

Теперь что, отец на работу принимает девок? Мужиков в горах не осталось?

Пигалица подходила быстрым шагом. Откинула раздраженно копну каштановых волос за спину, просверлила во мне дыру едким взглядом. А потом увидел Шейха.

– Вы с ума сошли?! – она рухнула перед павшей лошадей на колени.

Выронила свой чемодан металлический. Не пожалела ни светлых джинсиков в обтяжку, ни начищенных модных жокейских сапог.

– Ахмет Рустамович, что вы наделали-и? – почти простонала она.

– Дочка, так он же уже все...

– Я же сделала лекарство! Новое! – пигалица вскочила. – Я бы... Кто его убил? Вы?

Тоненький пальчик уткнулся мне в грудь.

Лет пятнадцать назад от таких вот искр, сверкавших сейчас в ее голубом взгляде, я бы сгорел. Но я уже давно закрылся броней от подобных маленьких нахальных козочек.

Поздно меня на прочность испытывать.

– Здраваться не учили, кукла? – я перехватил ее запястье и чуть сжал хрупкий суставчик.

Легонечко, в десятую часть силы.

У девчонки побелели губы, но она не вскрикнула. Наоборот, оскалилась, готовясь выплюнуть что-то острое в ответ. Да кто ж тебе это разрешит, мелочь ты сахарная?

– Ахмет, это что за экземпляр? – я посмотрел на конюха. – Какого хера тут посторонние шарятся как у себя дома? И вы еще удивляетесь, почему лошади падают?

– Амир, а это вот как раз ветеринар наш и есть, – почти извинился конюх.

– Кто? – я перевел взгляд на пигалицу.

Вот это?!

Глазастое, сисястое в разрезе джинсовой рубашки и с упругой задницей, тоже упакованной в джинсу? Какой из нее врач? Ей в спальне работать надо, а не в конюшне! Трудиться на благо мужское ртом и всеми остальными своими отверстиями, а не лезть, куда не доросла.

– Богачева Олеся Никитична, – язвительно выдала мне куколка. – Ветеринарный врач имения «Горское», аспирант Московской Академии ветеринарии. А вот вы кто и по какому праву пристрелили одного из лучших жеребцов завода? Так хочется судебный иск получить?

Богачева?

Я охренел повторно и окончательно. Мне же вот только Ахмет про москвича рассказывал... Они тут что, с ума посходили все?

Они доченьку главного подозреваемого в травле племенных лошадей затащили на территорию? Что за хренотень творится?!

Я обхватил пигалицу за шею и подвинул к себе.

Зафиксировал ее ручки, чтобы не дергалась, обхватил хрупкое девичье тело. Заглянул в голубые глазищи, на донышке которых отчетливо мелькнул страх. Да-а, куколка...

Бойся. Я не няшка, к которым ты привыкла в Москве, это точно.

– А я твой новый хозяин, Олеся. Познакомимся? Поближе...

Глава 2. Амир

– Ахмет, – я даже не взглянул на конюха. Дернул головой в сторону выхода только. – К отцу. Скажи, я приехал, скоро буду. С ветеринаром нашим переговорю только...

– Ах-кх, – Олеся тоже дернулась, чтобы позвать его, но захлебнулась от давления моих пальцев на шее.

Тише, куколка, тише...

Не вреди себе сама, не лишай этого удовольствия меня. Я сейчас очень, очень зол...

– Ахмет!

– Бегу, Амир, бегу...

Тяжелые высокие сапоги конюха, чьей работой была и чистка стойл, затопали по каменистому полу конюшни.

Вот и хорошо...

Вот теперь мы одни, кукла.

В серо-голубом взгляде метнулась всполохом паника. Прокатился глоток по тонкой девичьей шее. В подушечку моего большого пальца судорожно толкнулась вершинка адамова яблока. Запах ее страха был почти физически ощутимым.

– Вы! – она дернулась назад из моих рук, но только сделала себе больнее.

Зашипела, сморщила нос, замирая.

Вот и умничка. Не нужно дергаться. Держать и давить я умею как никто. На женщинах не практиковал, но вынуждать не советую.

Потянув ее ручки ниже по спине, я прижал их к ее ягодицам.

– В глаза смотри мне, кукла.

Ее выгнуло.

Убегая от дискомфорта, девчонка прижалась ко мне всем телом. Изогнулась, выпятила грудь вперед. Крутые бедра, упакованные в тугие брючки, втерлись в мои.

И вот тут сглотнуть захотелось уже мне.

Распахнулась немного ее рубашка. Показала мне розовые холмики упругой женской плоти, спрятанные под белой маечкой внизу. Нежные, сладкие даже на вид. С вздыбленными, еле заметными, белесыми волосками бархатного пушка на коже.

К паху толчками начала приливать кровь.

Желание склониться и провести языком по этим изгибам оглушило. Почувствовать вкус ее кожи. Зарывать, зажать зубами, оставляя на ней печать вспыхнувшего возбуждения.

– Значит, папочка тебя сюда заслал, да? – я скрипнул зубами, прогоняя слишком реалистичную картинку из головы.

Не время сейчас. Оттрахать эту куколку за ее грехи я успею еще.

А сейчас – просто попугаю, чтоб сговорчивее стала.

– Вы ненормальный? – вспыхнула она от обвинения.

– И жестокий, имей в виду, – я кивнул. – Идеальная ведь схема, да? Богачеву нужна наша земля, он подсылает сюда свою доченьку и вдруг все летит к чертям, погибает поголовье дорожных лошадей. Завод разоряется и идет на торги. Как удобно...

– Пустите меня!

– Отвечай, – я вжал ее в себя еще крепче.

Еще сильнее выгнулось женское тело в моих руках.

Еще красивей. Олеся с резким выдохом прогнулась назад, облегчая свое положение. Запрокинула голову, выставляя передо мной шею. Водопад пышных волос рухнул с плеч вниз, щекоча мне пальцы.

И я их сжал.

Выпуская ее запястья, стиснул округлую попку куколки. Сам вдавился ей в животик уже стоящим как кол членом. Что ж... Кажется, наказывать тебя за вредительство, моя прелесть, я начну прямо сейчас.

Развернуть ее.

Прижать ладошки к стенке стойла, раздвинуть ножки и войти в нежность аппетитного тела. Заставить прогнуться в поясничке, чтобы попка стала максимально круглой. Оставить на ней красноватые следы от пальцев под громкие женские стоны...

В глазах потемнело.

Пальцы свело судорогой. Мне бы хоть только намек какой от нее... Да откуда ему взяться сейчас?

– Я никогда...

– Что? – мысли уже были пьяными. Уже поплыли от накатившего предвкушения.

– Я никогда бы не причинила лошадям вред! – почти простонала она. – Я врач, а не убийца!

Черт!

Амир, очнись, давай!

Я перехватил ее под спинку и выпрямил. Поставил перед собой, чтобы не упала, если вдруг что. Желание трахнуть красивую ветеринаршу прямо здесь и сейчас пришлось давить всеми силами своего самообладания.

– Твой отец – Богачев Никита?

– Да! – выкрикнула она, отворачиваясь от меня изо всех сил.

– Он же хотел купить это имение? Он?

– Да!

– И ты хочешь сказать мне, что ты тут оказалась совершенно случайно? – мозги прочищались от возбужденного тумана.

– Да! Это совпадение, не больше! Меня Мурат Нарбиевич пригласил сам, лично! Из Москвы вызвал два месяца назад.

Я не поверил ни единому ее слову.

Не бывает таких совпадений. Никогда. Там, где крутятся большие деньги, где есть возможность их сделать, ни один бизнесмен не откажется от возможности их получить. А какими способами – каждый выбирает сам.

Лично я в порядочные не верю.

И таким вот куколкам не верю тоже. Не похожа она на нормального врача. Слишком сладкая, слишком эффектная. Я на таких в Москве насмотрелся. Они за бабки готовы позволить сотворить с собой все, что угодно.

Сомневаюсь, что эта другая. Значит, тут просто шкурный интерес. Сделать доченьке нужный диплом для олигарха не проблема. Да и навести на нее отца – тоже.

– Что тебе пообещал папочка? – я обхватил ее лицо ладонью. – Эту землю? Просто деньги? Какую плату ты попросила у него за саботаж в Горском?

– Вы больной!

Она уперлась мне ладошками в грудь, чтобы отдалиться.

Но я видел, как сгибаются локти. Как испуганные глазки под пушистыми ресничками становятся все ближе и ближе. Пока, послушная моему нажиму, Олеся снова не прижалась ко мне вплотную.

Хороша, кукла...

Вкусная. Даже по аромату ее тела уже понятно, что сладкая везде.

– Я мог бы тебя удавить прямо тут, Олеся, – от того, какая паника плескалась в ее глазах, меня самого замутило. Но дожимать надо, куда денешься. – Но пока, только ПОКА, я тебя еще не трону.

– Я пожалуюсь Мурату Нарбиевичу.

– Да что ты? Ты даже дышать теперь будешь только с моего разрешения, – ласково пообещал я ей, накрывая снова шею пальцами. – Усекла? И не дай тебе Всевышний реально быть замешанной в этом дерьме. Потому что если ты испачкалась, я не хозяином твоим буду. Я твоим палачом стану.

– Амир!

Голос уже вернувшегося конюха врасплох не застал.

А вот Олеся вздернулась. Попробовала повернуть голову в его сторону. Что ты хочешь, моя прелесть? На помощь позвать?

Ну-ну.

– Что, Ахмет?

– Отец тебя ждет, – он затоптался в воротах конюшни, не зная, то ли входить, то ли исчезнуть.

– Отлично, – я выпустил Олеся из рук, и она отпрыгнула от меня взбешенной кошкой.

– Передай на пост охраны: наш ветеринар с настоящего момента не имеет права покидать территорию имения.

– Что?! – взвилась она. – Да вы...

– Никуда. Низачем, – добил я, глядя ей в глаза. – Ни шагу отсюда без моего личного разрешения. Все ясно?

Глава 3. Олеся

– Придур-рок...

Широченная спина кавказца напряглась сильнее.

Ой-ей! Услышал? Я резко отвернулась, присела над погибшим Шейхом на корточки. Тихо, Олеся... Молчи! Пусть уходит этот ненормальный, пусть проваливает! Я сдавила собственное горло ладонью. Кожа до сих пор горела от его пальцев.

Как будто обручем раскаленным сжал, а не человеческой рукой.

Сдержаться и не закашлять при нем было чудовищно сложно, но я справилась. Как и страх свой ему не показала, надеюсь. Испугалась до чертиков, до желания пописать прямо здесь, прямо в одежде.

Не человек, злобное чудовище.

А взгляд как у дьявола темный. Жуткий, душу вынимающий, на кулак ее наматывающий тихими словами. Как будто он на меня право какое-то имеет, держал как женщину свою!

– Гад...

Я засопела и подтянула к себе свой лабораторный чемодан. В нем, как обычно, звякнули пробирки.

– Засранец последний, – мне захотелось плакать снова.

Губы скривились.

Шейха уже не вернуть. Не знаю почему, но к этому жеребцу я прониклась сразу. Слишком он был гордый. Слишком величественный. Дядя Ахмет, как я его ни разу не назвала в лицо, рассказывал, что жеребят Шейха расхватывали наперебой.

А сейчас от него осталась только туша.

Гора мышц и внутренних органов, пораженных неведомой болезнью, над которой я билась в этом имении уже второй месяц. Я практически жила в своей лаборатории, которую сама же и оборудовала с разрешения владельца.

Сколько анализов крови сделала!

Сколько реакций провела, изучая, отыскивая вещество, от которого погибали животные. Сколько переписывалась со своими преподавателями, отправляла им результаты анализов. Куратор сказал, что кандидатская мне уже точно обеспечена.

А мне не она важна была, я хотела спасти лошадей.

Я достала из чемодана большой шприц и стала разбирать шерсть на шее павшего коня. Давай, друг, дай мне немного своей крови, она еще точно не успела остыть.

Может быть, ты сможешь спасти своих еще здоровых товарищей.

Я-то для этого сделаю все, в моих силах.

– Зачем ты это делаешь, дочка? – дядя Ахмет, оказывается, не ушел вслед за этим громилкой.

– Как зачем? – я тихонько шмыгнула носом. – Сделаю анализ, посмотрю. Вдруг удастся найти что-то?

– Да что тут искать...

– Лошади не могут погибать просто так, – я потянула поршень, набирая в цилиндр шприца кровь животного. – Причина есть, ее просто надо найти.

– Причина!

Дядя Ахмет фыркнул насмешливо, а потом махнул рукой.

Развернулся, пошел тоже к выходу. А я стиснула челюсти. Да, причина есть. И это не я! Уже не в первый раз главный конюх имения намекает на мою причастность к загадочным смертям.

Конечно, я же чужая тут, приезжая.

Не удивлюсь, если он и напел про меня этому...

Кстати! Я вынула шприц, аккуратно уложила его в чемодан, щелкнула застежками и встала. Нужно занести все это в лабораторию и сходить к своему нанимателю. Рассказать все, что тут произошло. Молчать я не собираюсь даже, в моем контракте прописан пункт о личной безопасности при выполнении обязанностей.

Мурата Нарбиевича Бзасежева я уважала.

Умнейший человек! Уже очень пожилой мужчина, но сдержанный и воспитанный, прекрасно разбирается в лошадях. Сыночек же явно не в него пошел.

Я отряхнула колени, поморщилась на испачканные коленки. Вышла из конюшни и подошла к курящему неподалеку дяде Ахмету. Пусть он меня подозревает, но я по-прежнему тут ветеринарный врач, он обязан мне подчиняться.

– Ахмет Рустамович, я провожу осмотры поголовья утром и вечером, но если вы заметите, что в течение дня какой-то из лошадей стало плохо, зовите меня. Немедленно, понимаете? Это важно.

– Как Амир прикажет, – старый кавказец прищурил глаза от идущего вверх табачного дымка сигареты.

– Нет, как я приказываю, – я постаралась ответить как можно жестче. – Я ветеринар этого имения и я отвечаю за него. Животных нужно лечить, а не стрелять, ясно?

– Угу.

У-у-у...

Спелись, мерзавцы.

Я зашагала к внутренней калитке Горского. Потом отнесу пробирки. В шприце реактив, кровь не свернется, будет пригодна для анализа все равно. А вот поговорить с Муратом Нарбиевичем и объяснить ему, что его сын, фактически, совершил диверсию – нужно как можно раньше.

– А вам нельзя, – охранник в голубой форме заступил мне путь, когда я подошла к проходной почти вплотную.

Пройти на территорию домовладения Бзасежевых можно было только тут. Оно было отделено от основной территории огромным забором на случай сбежавших из стойл лошадей. Можно через главные ворота дойти, но так намного дольше получится и там тоже охрана стоит.

Да и вообще! Что за ерунда?!

Я уже почти два месяца так хожу!

– Мне к хозяину, – я попыталась обойти мужчину.

– Нельзя. Амир Муратыч приказал.

Я осеклась.

Так он что, не шутил? Действительно меня приказал оставить на хозтерриториях?

Высокая калитка, из-за которой двухэтажного коттеджа даже не было видно, лязгнула. С издевательской улыбкой из нее вышел тот, кого я ненавидела уже всей своей душой.

– Уже созрела, кукла? Расскажешь мне все или останешься ночевать в конюшне?

Глава 4. Олеся

Я вспыхнула от вопроса. Хотела просто развернуться и уйти, но не успела. Охранник, до сегодняшнего дня всегда изображавший безразличного увальня, перед лицом Амира Муратовича решил показать себя.

Волосатое запястье его метнулось в мою сторону, и я вскрикнула от жестокого захвата на предплечье.

– Вы что, не слышите? – он зашипел как змей. – Вас хозяин спрашивает!

Моргнуть удалось только один раз. После этого его шипение превратилось в сдавленный хрип.

Охранник меня выпустил, цепляясь уже за пальцы Амира, сжавшие его глотку клещами. А я обхватила собственную руку ниже локтя. Силу нового хозяина я уже знала, на себе почувствовала. Но даже он не сделал мне больно, а этот гад...

– Еще раз коснешься ее – я тебе твои ручонки в очко запихаю, понял меня? – изумительно равнодушным тоном спросил у охранника Амир.

– Ды-я-а...

– Радует, – железные пальцы разжались.

Согнувшись, охранник закашлялся и отступил от нас.

И что это было? Я посмотрела в черные спокойные глаза. Игра в плохого и хорошего полицейского? Качельки решил мне устроить, Амир Муратыч?

– Поговорим? – вопросительно задрал он густую бровь.

Пф-ф...

Я повернулась спиной к новоприбывшему своему мучителю и зашагала обратно. Держала спину ровной, хотя хотелось голову пригнуть и пуститься вприпрыжку для верности.

Черный взгляд воткнулся мне ровненько меж лопаток.

Прилип, не отпуская. Сверлил меня, заставляя ускориться невольно. Защитил, гляди-ка. Джентльмен чертов! Только я же понимаю, зачем это все. Наверное, ему Мурат Нарбиевич что-то сказал, вот он и...

Я открыла ключом небольшой домик, раньше бывший уличной кухней, и вошла. Заперла за собой на шпингалет и выдохнула, опустила плечи. Жутко-то как было...

Он, кажется, из тех, кто сначала бьет, а потом вопросы задает. Поговорить он хочет, ага. А мне не о чем с ним говорить, меня его отец нанимал на работу, так что отчитываться я буду перед ним только.

И раз уж меня к нему не пускают, я просто позвоню.

Гудки наплывали волнами, но трубку мой работодатель не брал. И даже со второго звонка достучаться до него не вышло.

– Ну, ладно, – я отложила смартфон.

В этом не было ничего страшного. Мурат Нарбиевич довольно пожилой уже человек. Дойти до телефона быстро ему просто физически может быть сложно, тем более, он может его даже не слышать в большом доме.

Увидит пропущенный – перезвонит.

– А у тебя, Олеся, рабочий день, вообще-то, – сказала я сама себе.

Достала свой лабораторный халат, стянула волосы гулькой на макушке и убрала под шапочку. Подтянула под нее кудряшки-коротышки, растущие на шее, как смогла. Мне хватило одного единственного опыта когда-то в Академии, когда я спалила себе челку полыхнувшими реактивами.

Хватит, научилась.

Переделалась, раскрыла свой чемоданчик, аккуратно вынула шприц с кровью Шейха. Скривилась еще раз от жалости к великолепному жеребцу. Как же горько! Векам стало жарко от приливших слез, пальцы вцепились в поршень шприца.

Жалкая попытка зажать слезы физическим усилием.

Снаружи, по единственной ступени лаборатории, кто-то чем-то грохнул. А потом дверь распахнулась.

Напрочь вырванный шпингалет повис на ее краю, закачался. И с ярким звонком металла упал на пол, отстегнувшись.

– Вы что? – я отшатнулась вглубь комнатки.

Налетела бедром на угол рабочего стола, где у меня стояло оборудование и... Выдрала поршень шприца от резкого движения. Чуть загустевшая уже лошадиная кровь плеснула мне на ладони. Отлетела брызгами на белый халат.

– Ой, мамочки!

– Надо же, – пригнув голову, Амир вступил в домик. – Так у тебя тут руки в крови не только фигурально, но и натурально, да?

А я успею еще?

Нет. Я поникла. Остроумие горца меня не задело совсем, я думала о другом. Не успею я. Магистральные вены Шейха, близкие к поверхности кожи уже точно остыли. А значит, кровь свернулась, новую не добыть.

План провалился.

Я с грустью посмотрела на шприц и пошла к раковине.

Пришел тут, испортил мне все. На Амира я даже не взглянула, зачем? Ясно же, что обиделся, пришел отношения выяснять. Я же проигнорировала его! И его защиту, и его самого.

Ай-яй-яй... Негодяйка, Олеська.

Наступила прямо в мужскую кавказскую гордость.

Прохладная вода потекла тонкой струйкой из старенького крана. Я делала отрешенный вид изо всех сил, но не ощущать перемещение внушительного мужчины в тесном пространстве лаборатории было невозможно.

– Так что, – крупные кулаки оперлись о раковину по обеим сторонам от меня. – Исповедоваться будешь?

Жаркое дыхание коснулось шеи.

Мыльная вода закапала с моих пальцев на дно жестяной раковины. Горячо-о... Я ощущала, как колышутся короткие волоски на моей шее. Как расплзается будоражащая кожу испарина вниз по спине и плечам.

– Дистанцию держите, Амир Муратович, – я раскатила языком слюну по рту, чтобы не сглотнуть ее слишком громко.

Услышит.

Опозорюсь.

Между нашими телами остались буквально жалкая пара сантиметров, хоть я и вжалась в тумбу с раковиной как можно теснее.

– Тебе неудобно, куколка? – он склонил голову еще ниже.

Ты пугаешь меня до визга, горец, какое неудобно?!

Ты же как хищник: показывать свой страх нельзя, подчинишь, загрызешь. Это я еще на своем родителе выучила, видела, как они с мамой жили до развода. Чувствовать такое на себе не хочется.

А значит...

Я толкнула здорового кавказца в грудь плечом. Повернулась к нему лицом, держа мокрые руки ладонями вверх.

– Олесья Никитична. Меня так зовут, помните?

Он не помнил, конечно.

Он смотрел в мое декольте. Таким жарким, жадным взглядом, что я интуитивно схватилась за воротничок халата пальцами. Стянула его на груди, прикрываясь. И плевать, что руки мокрые!

Черный взгляд полыхнул раздражением, но все погасло уже через секунду. Он закрылся, спрятал свой интерес за напускным равнодушием. Вот же черт...

Он что, меня не только уличить в травле хочет?

Еще и просто... Хочет?

Кажется я сделала то, чего не планировала: дернула тигра за усы со всей дури.

– Имей в виду, – Амир упрямо не называл меня по имени. Отошел, коснулся пары моих колб на столе пальцем. – Запросы по поводу тебя и твоего папочки я в Москву уже направил. Край завтра у меня будет вся твоя подноготная.

Я улыбнулась.

Вздернула подбородок повыше. Проверяй, проверяй. Посмотрим, как ты отреагируешь на то, что получишь. Но от колкости все же не удержалась. Ему же можно!

– Если вам пришлют, что у меня по биохимии в дипломе четверка, то это неверно. У меня пять, пусть ваши проверяющие заглянут в более позднее заседание аттестационной комиссии.

Амир заложил пальцы в карманы джинсов.

Подступил ко мне, опять заставляя опереться о раковину, но уже ягодицами.

– Ты, кажется, не понимаешь, кукла. У тебя крайне мало времени остается для чистосердечного признания. Просто расскажи мне, что приказал тебе папочка, и я тебя сразу отпущу.

– Что, и приказ не выпускать меня отмените?

– А что, птичка захотела куда-то улететь?

Я не понимала, как он это делал.

Говорил спокойно и тихо, а меня ознобом продирало от макушки до пяток. Пугающе и неконтролируемо, что хотелось ноги сжать и присесть, поскуливая перед ним.

– Куколка моя, – ладонь Амира снова легла мне на шею, как в конюшне. Черные глаза поймали мой взгляд и уже не отпустили. – Пока ты под моим подозрением, ты будешь сидеть тут. Но у тебя есть вариант меня задобрить. Если очень постараться...

В его взгляде была жаркая жадная чума.

Безумие, разгоревшееся, как только он меня опять коснулся. Теперь я уже свой глоток сдерживать не стала. Оглушила судорожным движением шейных мышц сама себя.

– Какой?

Амир перехватил мои руки. Мягко, медленно отнял их от халата и положил на свой ремень. Обхватил мои пальцы, заставляя сжать полосу грубоватой кожи.

– Объяснять, что делать дальше надо?

Глава 5. Амир

Пряжка ремня отогнулась вниз от тяжести наших рук.

Серый наивный взгляд опустил на них, застыл на секунду, а потом поднялся обратно к моему лицу. И я охренел уже со всего маху.

Столько чистоты!

Столько растерянности было на лице у Олеси, что я даже задохнулся. Твою мать, да это что за кукла, реально? Мне захотелось выгнуть спину, оскалиться от эгоистичного кайфа. Такую грех отпустить просто так.

Сранные гадские флешбэки из юности выскочили в башке как черти.

Верхнюю губу прострелило нервным импульсом, приподнимая.

Куколка, ты вызываешь восторг не только своим аппетитным телом, но и реакциями, ты в курсе? Этим и опасна, сбиваешь нахер меня с моих рельсов.

Это запрещено, это красная линия в моих отношениях с женщинами. Ты даже возмутиться забыла! А ведь чаще всего на предложение отсосать женщины реагируют именно так.

Нормальные женщины, не прошмандовки, должны реагировать именно так!

Я даже к пощечине был готов, а ты просто растерялась!

Охереть!

– Вам придется заплатить, – она лишь хлопнула ресницами, а у меня создалось ощущение, что зарядила мне не просто по морде, а с ноги.

Заплатить за минет? Ей?

Дыхалку сорвало глотком воздуха не туда.

Так я тогда... Сука-а-а... Захотелось выматериться громко и от души, по-армейски. Чтобы стекла дрогнули в этой халупке. Чтобы она поняла сразу, как она меня только что в дерьмище макнула.

Какой же ты долбоящер, Амир! Какой же ты...

Я отпустил ее пальчики. Отступил на шаг, но смотреть в серые глаза, постепенно меняющие цвет на голубой, не перестал. Значит, я был прав во всем, когда ее увидел. Интуиция меня не подвела, а вот допущенная слабость, желание трахнуть красивую малышку, в очередной раз заставило разочароваться.

– Значит, заплатить...

– Ну, да. Вы же замок сломали, – Олеся опять подхватила воротничок своего халата, а второй рукой показала на дверь. – Я неделю просила, чтобы мне сюда шпингалет поставили, а вы его вырвали совсем. Я за него платить не буду, это ваша вина. Купите мне новый.

Я...

Ох, Всевышний...

Я же... А-а-ахх... Я сжал пальцами переносицу, пытаюсь сдержаться, но не вышло. Смех прорвался. Раскатистым ржачем, от которого как раз и звякнули ее колбочки и еще какие-то хреновинки на столе.

Да твою же мать, куколка, ты мне всю схему только что разнесла в пыль!

А я долбоящер, да. Так наколоться – это надо уметь. Было горько и смешно до ужаса одновременно. И неудобно адски. Поверить в то, что она реально даже не поняла меня, не отреагировала никак...

Так обычно бывает перед каким-нибудь масштабным ахером в моей жизни.

Но я еще подожду, я сдержусь.

Я вначале проверю все. Мне нужно знать, что эта малышка не продажная шкура. Что она не при чем. А пока что все выглядит так, будто это она. Отец категорически отмел мои подозрения. Сказал, что это полная хрень и сплетни про Олеся его расстраивают.

Вот только...

Слишком много дерьма я видел в этой жизни, чтобы верить на слово. Даже собственному отцу. Он уже стар, ему позволительно прикипать душой к таким вот девочкам.

Мне – нет.

– Почему вы смеетесь? – она передернула плечами. – Что я такого смешного сказала?

– Ничего, – улыбка все еще тянула губы. – Шпингалет я почию, не переживай.

– Оу, замечательно! Так, а что там с приказом не выпускать меня? – она по-прежнему стояла возле раковины и подходить к столу не пыталась.

Там ведь стоял я, а больше свободного места в этой халупе не было.

– Все по старому, – я прищурился. – Ты ведь постараться не захотела...

Олеся фыркнула. На тоненькой шейке натянулись мышцы, выдавая ее гнев и раздражение, но комментировать очередной намек она не стала.

Значит, она его поняла.

Значит, гордая, будет продолжать игнорировать. А значит... По шкуре прокатилась теплая веселящая волна возбуждения снова. Значит, у меня будет развлечение.

Куколка, ты огонь!

Ты после стольких лет холода, в который я себя старательно загонял, щедро сыпанула мне углей за шиворот. И мне это, кажется, нравится все больше. Я даже когда с отцом разговаривал, ты перед глазами у меня стояла.

Ощущение твоих волос, текущих волной по пальцам.

Щекочущее... Ласковое... В них бы эти самые пальцы запустить, намотать на кулак...

Лишнее это ощущение, твою мать, Амир! Остынь.

– Зачем вы, вообще, ворвались? – Олеся моя веселость злила жутко. – Вы сорвали мне проведение анализа, я потеряла кровь.

– Что за анализ? – я отступил к двери, чтобы дать ей возможность подойти к пробиркам. Ее отчаянно хотелось ближе, но приходилось включать мозги обратно.

– Кровь Шейха, – она приглашение подойти поняла, и упираться не стала. Она ж смелая! – Я хотела посмотреть, есть ли в ней изменения, и какие именно. Он же только что заболел, значит, можно было поймать процесс развития болезни.

Я задрал брови.

Реально?

Я понимал, о чем она говорит, не тупой. Вот только... Она правду говорит или пытается зашифроваться? Изобразить бурную деятельность по выявлению неведомой болячки в имени?

– Ты у мертвого коня брала кровь?

– Это всего лишь кровь, – она дернула плечом, подвигая себе табуретку. – Я врач, пусть и ветеринарный, меня это не пугает.

– А что пугает?

Ее рука, взявшая пустую пробирку, замерла.

Я рухнул в серо-голубой взгляд как радостный обормот. В нем купаться хотелось, хотя привычная маска на лице, жесткая и спокойная, сидела прочно.

– Амир Муратович, зачем вы пришли? – она поставила пробирку на место и подтянула рукава халата. – Что вы хотите?

Следы.

Я не расслышал вторую часть ее вопроса. Я увидел следы. Овальные, еще плохо заметные, но это для других. Я привык такие вещи видеть четче. Синяки от лап того ублюдка, что стоял у отца в охране. Это он ей сделал.

Сделал ей больно.

– Покажи, – я перехватил ее руку, мгновенно оказываясь рядом.

– Вы что делаете? – она попыталась выдернуть руку.

Ур-род...

Я разгладил девичью кожу на предплечье пальцем. Следы стали ярче. Гематома активно наливалась, отсвечивала кровью под светлой кожей.

– Ты больше не подходишь к охране, понятно? Вообще ни к кому из мужчин в имении не подходишь на расстояние вытянутой руки, – пугать ее не хотелось, но я уже чувствовал, как начинает колотить в виски тупой болью напряжения.

Еще один нехороший признак. Твою мать, Амир, дружище! Вот тебе оно зачем, а?

– Вы хотите, чтобы я даже отсюда не выходила? – она склонила голову набок, разглядывая меня снизу вверх. – Такой ваш план, совсем отстранить меня от работы? У меня там лошади болеют, вы в курсе?

– Я сказал, ты слышала. Если тебе нужно куда-то за территорию имения, зовешь меня, я провожаю.

– О, так вы будете моим личным охранником?

Я посмотрел ей в глаза, и Олеся осеклась.

Нет, куколка, не охранником. Я буду твоим кошмаром, по ходу, потому что ты попала.

И я, кажется, тоже.

– Вставай.

– Что? – она растерялась. – Зачем?

– Покажу тебе кое-что.

Глава 6. Олеся

– Что покажете?

Амир потянул меня за руку, и вскочить просто пришлось. Попробуй ему посопротивляйся! Там же мышц гора, у него бицепс как у меня бедро, чудовищно развитые мускулы.

Жеребец кавказский!

– Амир Муратович! – я уперлась ногами в пол, чувствуя себя идиоткой. – Куда вы меня тащите?

Божечки, да он просто машина какая-то!

Бронепоезд! Что физически, что морально!

– Куда надо.

– Но у меня работа!

– Значит, сегодня возьмешь выходной.

Обалдеть.

Хорошо ему так говорить. Он решил – он сделал. Но это он здесь хозяин, а я так-то наемный работник, у меня расписание и оно оплачивается.

– У меня не бывает выходных! – возмутилась я уже окончательно. – У меня тут...

– Кукла, не верещи, – он поморщился. – Сказал, пойдем.

– Да не пойду я с вами никуда, – я выдернула ладошку из его руки и уперлась кулачками в бока. – Вы с ума сошли? Мне нужно подготовить препараты, у меня вакци...

Пальцы Амира оплелись вокруг моего локтя.

Что-то нажали там, дернули на себя, ставя сустав в неудобное положение. И договаривала, то есть докрикивала я свою речь, уже влетая в его объятия.

– Нация-я-а-а! А-а-а!

Пол резко прыгнул и рухнул куда-то вниз.

Отдалился критично, а я взмахнула руками, пытаюсь за что-нибудь хотя бы схватиться. Под животом оказалось твердое мужское плечо, а перед глазами широкая поясница, прикрытая черной шелковой рубашкой.

Вот только схватилась я не за нее, а за то, что было ниже. А потом сразу же отдернула руки.

Мама! Чужая мужская попа!

– Потом отвакцинируешь, – горячая ладонь в ответ накрыла мои ягодицы и нагло сползла вниз. Туда, где халатик уже заканчивался, и начинались голые ноги.

– Не трогайте меня! – завизжала я, выпрямляясь на его плече. – Отпустите, что вы...

– Куколка, головой не ударься, – посоветовал он и шагнул к двери.

Что? Я вскинула голову, конечно, сразу же.

Уа-ай!

Притолока дверного проема рывком приблизилась, и я распласталась лицом на спине Амира обратно. Не хватало мне еще на лбу синячище заработать!

Ухватила за его рубашку, за ремень, который этот гад десять минут назад предлагал мне самостоятельно расстегнуть.

Как будто я не поняла, зачем!

Только раньше мне настолько беспардонных намеков не делали никогда, я элементарно растерялась. Вот только тогда шпингалет дурацкий меня спас, а сейчас что спасет?

Амир вышел из домика на крыльцо.

Как будто так и надо, зашагал от лаборатории к той же самой калитке, в какую еще недавно пыталась пройти я. Мужские пальцы легонько поглаживали заднюю поверхность моих бедер и это придало мне сил.

Холодной разумной злости.

Он же специально! Спокойно, методично и цинично лишает меня возможности думать разумно. Провоцирует на срывы, на истерики. Манипулятивный засранец! Только вот ничего у тебя не выйдет!

И кричать я не буду. Таких как он это только забавляет.

– Амир Муратович, вы же взрослый человек, – я попыталась нащупать хоть какой-то ключик к его благоразумию. – Вы долгое время жили в Москве, мне ваш отец рассказывал. Что вы творите?

– А ты адекватными считаешь только москвичей? – хмыкнул он в ответ.

Земля стремительно бежала перед моими глазами, Амир шагал широко и быстро.

Мамочка, там же охрана!

А я с голой задницей практически и в таком унижительном положении! Позо-ор!

– Нет! – Боже, я готова согласиться на все, что угодно, лишь бы он меня поставил на ноги. – Конечно же, нет!

– А зря, Олеся Никитична, – я будто увидела своими глазами, я почувствовала кожей как Амир нахально и довольно улыбнулся. – Ты же на Кавказе. Тут женщин воруют и всячески помыкают ими. Ты не в курсе разве?

– Что?! – выдохнула я воздух из пережатого сильным плечом живота.

Он...

Да, нет. Он же меня буквально вот полчаса назад защитил от охранника. Он не такой, о каких я читала в книжках. Мурат Нарбиевич бы такого не воспитал!

Или проверяет просто? Пугает?!

Я в такое не верю! Но страшно стало все равно.

– Сын?

– Мурат Нарбиевич! – завопила я как бешеная, услышав тихий голос своего работодателя. Забыла моментально свое решение не кричать на всю округу. – Пожалуйста, спасите меня!

– Амир, что ты делаешь с Олесей Никитичной? – я не видела старичка, но возмущение в его голосе подарило мне бешеную надежду, что сейчас все и разъяснится.

Еще бы от смущения не умереть, потому что светить своей голой практически пятой точкой перед лицом пожилого человека, было до обморока стыдно.

– Несу домой, – меня даже чуть подкинули на плече. – У нее травма.

– Мурат Нарбиевич! – я почти заревела от паники.

Какая травма, мерзавец?

Это ты ее спровоцировал! И не слышит сейчас ничего, не хочет слышать даже!

– Да отпусти ты меня!

– Подыши воздухом, отец, – лапища снова опустилась меня на ягодицы, но уже не лапая нагло, а прикрывая мои ноги от чужих глаз сгибом локтя. – Я пока комнату Олесе покажу, она теперь у нас будет жить, перенервничала девочка.

– А...

Растерянное лицо Мурата Нарбиевича проплыло мимо меня, а я своим возмущением просто подавилась.

– Отпусти меня немедленно! – я вонзила ногти в каменное тело под рубашкой. – Слышишь, ты!

– Рад, что мы перешли на «ты», куколка. Это сближает.

Амиру было на все плевать. Он хлопнул меня по заднице и прошел через калитку на территорию домовладения своего отца.

– Я вас ненавижу! – зашипела я, понимая, что все...

Даже отец этому твердолобому не помеха. Даже он не сможет остановить этого жеребца, потому что его уже сорвало, кажется.

Амир Муратович пошел в разнос.

– Я же сказал, что ты без меня теперь никуда? Я не шутил. А комната свободная в доме только одна, Олеся – моя.

Глава 7. Амир

– Ами-ир! Братишка!

Калитка на воротах дома распахнулась на всю ширину. Бабахнула веселым металлическим звоном, черная блестящая ручка на ней провернулась почти полностью.

– Вернулся, брат! – двоюродный брат, по которому я вообще никогда не скучал, раскинул руки в стороны и почти побежал навстречу. – Забыл свое горе, да? Вернулся в родные горы!

Я выставил вперед ладонь, отгораживая его от лежащей на моем плече Олеси.

– Нури, къэуцу. Стой, – вот эти вот мужские дружеские лобызания я всегда на дух не переносил, с самого детства.

– Нури? – куколка на моем плече сжалась в комочек.

Не понял?

Я обхватил ее покрепче, прижал к себе, прикрывая аппетитные ножки почти до колена. Хорошо, что ты мелкая такая, кукла. Одной моей руки хватит тебя наполовину закрыть.

– Вай, брат! – Нури даже развел руками, но послушно остановился в метре от меня. – Не успел приехать, уже нашу Леську сгреб? Красавчик! Красавчик, брат!

Леська?!

Куколка, по ходу, у меня есть к тебе вопросы. Точнее, толку спрашивать с тебя, я задам их Нури. Какого хера ты так испугалась его имени, а он тебя зовет коротким. Даже я себе такого не позволяю пока что!

Что за хрень, мать вашу?

– Значит, точно свое горе пережил? – скалился брат. – Это надо отметить! Всевышний, да отпусти ты ее! Сейчас нам врач наш быстренько на стол сообразит, и мы посидим, да? Как раньше!

Балабол.

Я прошел мимо него, не отвечая ни на единое слово. Значит, куколка для него тут готовила, что ли? Вместо своих рабочих обязанностей угождала моему двоюродному брату?

Глазки строила?!

А потом лошадидохнуть начали, ага. Вр-рач, твою мать, ветеринар-рный...

– Амир! – я оборачиваться на его оклик не стал.

Зашел в дом. Как был, в обуви, поднялся по лестнице на второй этаж в свою спальню. И только там снял Олесью с плеча. Подхватил сразу же за тоненькую талию, потому что девушка покачнулась, взмахнула руками неловко.

Голубые глаза ее были мутноватыми.

Да ты ж моя слабенькая. Десять минут вниз головой, а кровь уже прилила и все? Она растерянно поморгала, стерла обеими руками выступившие на глазах слезы.

– Ты плачешь? – я отнял ее руки от лица.

Что-то как-то не такую реакцию я ждал. Думал, по яйцам мне зарядит или в морду вцепится когтями. Неправильная какая-то насквозь девочка мне попалась.

Что, реально наивняк такой, не нюханный никем? Да быть такого не может! Не верю я!

– Нет, – она сжала губы, приходя в себя. – Я планирую.

– Что?

– Месь, – худенькие плечики приподнялись и опустились.

– А-а, – я улыбнулся. Вот так-то лучше. – Ну, планируй. Время до вечера у тебя точно есть.

Я переставил девичье ослабевшее тело в сторонку и подхватил свой ноутбук с кровати. Ведь даже включить не успел, то Шейх, то разговор с отцом.

– В смысле до вечера?

– Обживайся, – я спокойно вышел и закрыл за собой дверь в спальню.

Наружная защелка надежно закрыла дверь.

Изнутри теперь, как бы Олеся не пыталась, дверь открыть было невозможно. Ну, если только выбить к херам. Но это я бы смог, а она...

Куда ей.

– Ами-ир! – она взвыла в спальне, но я только улыбнулся.

Я предупреждал. Это Кавказ, детка!

Снова захотелось засмеяться, рядом с ней смех почему-то лез сам. Вырывался откуда-то изнутри, даже если она психовала сама или заставляла беситься меня. Так что пришлось стереть улыбку с лица ладонью.

Незачем это все.

Там, внизу, Нури.

И отчет моих московских ребят, которых добывать информацию я учил сам и которые уже, точно должны были мне прислать самые первые отчеты по куколке и ее папашке. Некогда слюни распускать, работать нужно.

Брат нашелся на кухне дома.

Стоял, пил себе водичку спокойно из идеально чистого стакана. И я невольно поймал себя на мысли, что я слишком отвык, слишком обрусел. Сначала учеба в военном училище, потом служба по контракту. Потом, после неприятного инцидента в моей личной жизни – бесконечные командировки на благо государства.

Потом, когда я понял, что дыру в душе постоянным риском не заткнешь, а оставлять престарелого отца сиротой в случае моей гибели, недостойно, началась работа в Москве.

Возвращаться сюда мне не хотелось.

Я забыл правила и устои. Нарочно вытраивал их из души. Любые воспоминания. И то, что мы росли с Нури вместе – тоже. Вместе гоняли на велосипедах, вместе учились джигитовать на лошадях отца. Что дом моих родителей был домом ему, а его дом – моим.

Сейчас то, что он свободно прошел на кухню и достал из шкафа стакан – взбесило. Только это, конечно же.

Не слова же его бестолковые про куколку?

– Амир, – Нури заметил меня. Отступил на шаг, отставил стакан торопливо. – Братишка, ты что?!

У меня что, все на морде написано, что ли?

Твою мать, Амир! Где твоя выдержка?!

– Ты спишь с ней? – привычный голос пропал, остался только рык звериный.

– С кем?

– С Олесей, мать ее, Никитичной.

– Ты чо, больной? Аллах, Аллах! – брат коснулся пальцами лба даже.

– Я задал вопрос!

– Да нет, конечно! У меня есть с кем развлекаться, а эта...

В его голосе промелькнуло пренебрежение и меня это подкинуло еще сильнее.

Это куколка-то – ЭТА?

– Что?

– Да она же фригидная, – Нури презрительно цыкнул. – У нее в голове одна работа и лошади. Как будто ей лет сорок уже, прикинь? Я ее сто раз звал погулять, она никак не идет!

Значит, не спит.

Но хотел бы. Я пометил себе, что доступ Нури в имение, на территорию, где он может пересечься с Олесей, нужно перекрыть. И срать я хотел на то, какотреагирует отец или он сам.

Теперь тут буду рулить я.

– Что ты знаешь про ее отца? – я сел за стол и раскрыл ноутбук. Ткнул в кнопку включения, ожидая загрузки. Подвинул в сторону телефон отца, который он забыл здесь и ушел.

– Про Богачева? – Нури сразу же плюхнулся на стул рядом.

Я спокойно отвернул от него монитор ноутбука.

Рамки, рамки. Границы надо чувствовать, это полезно для здоровья. А то я ведь могу и заставить насильно это начать делать.

– Да, про него.

– Да ничего особенного, – Нури пожал плечами, будто бы совсем не обижевшись на мой жест. – Приехал чувак, купил пару участков земли. Дал работу местным, вроде адекватный.

– Общался с ним? – я зацепился сразу же.

– Встречались. А тебе он зачем? Благословения на дочку попросить хочешь? – Нури издевательски засмеялся.

Я открыл браузер, чтобы войти в свой почтовый ящик, но в этот момент заиграла мелодия вызова на отцовском телефоне.

И мы оба с братом посмотрели на дисплей.

«Богачев Н.»

Ай, Всевышний...

Я смахнул бегунок на смартфоне, не задумываясь ни на секунду. Я взял ответственность за родной дом, теперь свои предложения пусть озвучивает мне.

– Да?

– Мурат, мы так не договаривались! – возмущенный голос незнакомого мне пока москвича было отлично слышно на громкой связи.

– А о чем вы договаривались? – у меня всю шерсть вздыбило по телу. Ни о каких договоренностях с Богачевым отец мне не говорил.

– Кто это? Где Мурат? – отец Олеси, разумеется, понял, что с ним говорит кто-то другой.

– Меня зовут Амир. Я сын Мурата Бзасежева.

– Мальчик, – голос моего заочного врага потек ядовитыми каплями. – Нехорошо брать телефоны старших, ты не в курсе? Можно и огрести.

Я хищно ощерился, напрочь игнорируя ошалевшее лицо Нури.

– Диктуй адрес, дядя, – адреналин и шальное возбуждение вскипятило кровь. – Десять минут, и мы выясним, кто из нас огребать будет сильнее.

Глава 8. Олеся

Что значит – обживайся?

Что значит – до вечера?

Я поняла, что звать упрямого кавказца бесполезно. Стучать в дверь, которую он за собой запер – тоже. Только руке стало больно, отбила ведь.

У меня там вакцина! Шприцы!

В Горском жили не только лошади. Там были еще и коровы, птица. Обычные животные, для хозяйственных нужд, для молока, яиц и мяса. Но ведь я обязана по договору и за ними присматривать тоже.

И у меня сейчас по плану работа как раз с ними!

Крупный рогатый скот не привит! А другой крупный скот меня запер! Я задумалась. Нури сказал, что у Амира какое-то горе. Может, связанное с женщиной здесь, раз уж он так долго не приезжал домой?

Выходит, Амир тоже...

Рогатый скот?

Я фыркнула.

Ой, все!

Какое мне дело до него? Я не понимаю, как можно изменить такому мужчине, но разве это меняет что-то? Совершенно, вообще ни капельки, ни насколечко ничего!

Выбраться мне как, вот в чем вопрос? И как прошмыгнуть мимо него обратно в имение, если этот упрямец до сих пор в доме? А он в доме, я почему-то была в этом уверена. К нему же брат пришел! У них сейчас там мужские посиделки начнутся, это само собой.

Я растерянно огляделась.

Ну, обычная мужская комната. У кровати стояла спортивная сумка с раскрытым замком. Вещи Амира? Только вот это? Я подошла к шкафу и распахнула створки. Стыдно?

Сейчас – ни капельки.

Обживаюсь я, ага. На трех вешалках висели костюм, военная форма и просто обычная рубашка. Остальные вешалки болтались пустыми. Так он что, военный?

Я аккуратно коснулась зеленого рукава.

Мелодично звякнули медали на левой полочке кителя. Закачались, потираясь друг о друга ребристыми краями. Надо же... А у Амира Муратовича куча наград. Я перевернула одну из них.

«За боевые заслуги»

Надо же... Действительно, военный. И, видимо, неплохой, раз столько дырочек в кителе пришлось просверлить. Наверное, поэтому такой немногословный и упрямый. Только непохож он на того, кто привык только подчиняться и исполнять приказы.

Явно командиром был.

Свои порядки устанавливает сходу. Даже Мурат Нарбиевич ему не помеха, все по-своему делает. Я задумалась. Амир – это опасность. Он угрожает мне, он подозревает меня.

Мне стало зябко.

Он смотрит на меня... Странно. Будто не видел женщин никогда. Будто хочет так, что едва сдерживается. И ненавидит при этом. За что?! Я с раздражением захлопнула дверцы шкафа. Сумасшедший! Как можно подозревать меня в травле?

Да я за Шейха сама ему хотела высказать много чего.

Кто из нас больший враг? Я спасала, пыталась спасти. А он...

Я уперла кулаки в бока и осмотрелась вокруг снова.

Ненормальный. Приволок меня сюда, опозорил перед всем имением и думает, я буду его покорно ждать? Ах-ха... Разбежалась. Оконные створки поддались легко. Пластик открылся, показывая мне довольно далекую землю внизу.

Ух... Просто так не спрыгну. Телефона нет.

Что делать?

А что еще?

Я набрала воздуха в грудь побольше.

– Да, дочка, я уже все. Сейчас за хлебом забегу и все, считай, что дома.

– Тетя Бела! – я навалилась животом на подоконник. – Тетя Бела!

Женщина летя пятидесяти, работавшая у Мурата Нарбиевича кухаркой и одновременно уборщицей, закрутила головой.

– Дочка, подожди. Ничего не пойму, – она продолжала говорить по телефону, но меня не замечала. – Зовет меня кто-то, что ли?

– Тетя Бела, я наверху! – я даже затопала от возбуждения. – Я тут!

– Ай! – она вскинула голову и, наконец, увидела меня. – Олеся, дочка, ты меня испугала!

– Тетя Бела, простите, – я постаралась улыбнуться, чтобы не вгонять добрую женщину в ступор. – Помогите мне, пожалуйста, а? У меня дверь закрылась с той стороны. Выйти не могу.

– А! От сквозняка, что ли? Захлопнулась?

– Ага, – я даже вздохнула от облегчения. Тетя Бела сама придумала объяснение, избавив меня от этой задачи.

Скажешь, что меня Амир тут запер, вдруг не станет помогать?

Вдруг он не шутил насчет воровства женщин? Я же в их традициях ничерта не понимаю! Еще откажется меня открывать.

– Ай, дочка! Что такое? Сколько раз говорила хозяину замки поменять, а он ни в какую! Сейчас, девочка, я сейчас!

Я медленно выдохнула, согнувшись перед окном.

Уперлась ладошками себе в колени и смотрела в пол.

Врать, Олеся, нехорошо. Особенно людям, которые относятся к тебе по-человечески. Но разве у меня есть другой выход? Сидеть тут, как послушная курочка я не собираюсь даже, ошибка в расчетах, Амир Муратыч. Ты ведешь себя как неандерталец, что мешает мне делать так же?

Через полчаса я уже стучала в калитку со стороны домовладения.

– Амир Муратович запретил вас пропускать, – охранник стоял уже другой, но такой же прилежный.

– Амир Муратович запретил меня ВВпускать из имения, – мне хотелось запыхтеть от возмущения. Они издеваются, что ли? – А я, если вы не видите, пытаюсь как раз туда и попасть. Разницу чувствуете?

Охранник задумался.

Я даже прислушалась. Вдруг услышу скрип шестеренок в его голове? Но, нет. Он просто молча кивнул и отступил в сторону, освобождая мне проход.

О, ура.

– Спасибо, – я проскользнула мимо и почти бегом побежала в свою лабораторию.

Рабочий день уже заканчивается, уже вечер, я ничего уже не успею. Темнеет на Кавказе резко и полностью. Солнце падает за горы и их склоны окутываются душной влажной чернотой.

Можно и при электрическом свете работать, но в этом нет необходимости сейчас. Я тронула вырванный шпингалет на двери. Просто все раздражает. Он раздражает. И пугает. Сопротивляться ему бесполезно, а пугать он умеет, это чувствуется.

– Леся? – в столб у крыльца громко постучали. – Ты тут?

– Входи, Нури, – я вздохнула.

Если Нури здесь, значит и Амир сейчас заявится. Надеюсь, аттракцион с взваливанием меня на плечо не повторится?

Шутки шутками, но мы взрослые люди.

– Натворила ты дел, конечно, подруга, – молодой мужчина тоже склонил голову, входя ко мне в лабораторию.

– О чем ты? – я нахмурилась.

Подруга? Это я-то? Нури мне никогда не нравился. Слишком навязчивый, показушно веселый и бодрый. Спасало то, что появлялся он в имении не часто и, в основном, общался только с конюхами и самим Муратом Нарбиевичем.

Я сохраняла максимальную дистанцию между нами, которую он регулярно пытался преодолеть и стать мне ближе, чем я была готова.

– Ты что, пожаловалась своему папику на брата, что ли? – Нури глядел на меня с усмешкой.

– Чего?! – меня теперь каждый тут будет обвинять в какой-то ереси?

– Того. Амир поехал к твоему отцу. Что-то там прочитал про вас обоих, какие-то данные. Не боишься, что он его убьет?

– Кто? – выдохнула я. – Кого?

Так вот зачем он меня запер... Так вот почему он исчез из дома почти сразу же. Господин бывший военный решил переквалифицироваться в сыщика. Действительно, значит, искал про меня какую-то информацию. И, похоже, серьезно считает, что к гибели поголовья имеем отношения я или мой отец.

Или мы оба?

– Папашу твоего, кого, – фыркнул Нури. – Лесь, ты что, не понимаешь? Тебе ехать к нему надо, сейчас прямо. Может и успеешь...

Глава 9. Амир

Все кричало.

Я бы так это описал, таким мне все здесь казалось. Кавказ – это про громкость. Кавказ – это про яркий манифест. Каждое здание, каждый двор, каждая улица были твердо о себе заявляющими.

Скромность? Это не про мою родину.

И пусть здесь не было блеска, но даже каждый забор стоял здесь как скала. Ресторан, в котором мне назначили встречу – тоже. Парковка в центре поселка была выложена натуральным камнем. Увидите вы такое в Москве? Конечно. Вот только цена этого там и тут – разная.

Я положил руки на руль, оперся об него запястьями и хмыкнул задумчиво.

И я сейчас ведь не про деньги.

Там это будет про пафос, тут – про серьезность намерений.

Ноутбук мелодично мурлыкнул еще раз, едва я его только открыл. Читать основную информацию при Нури в доме я не стал. Незачем ему знать, какого уровня информацию я могу добыть, когда мне очень нужно. И так он слишком много видел. Работа разведчика должна быть тихой, даже если твоя семья с Кавказа и считает что по-братски – можно.

Олеся. Куколка моя голубоглазая...

Учеба. Я даже хохотнул, когда увидел скан вкладыша ее диплома. Надо же, четверка по биохимии! Вот засранцы! Она ведь говорила, что оценка потом была исправлена на «отлично», что она пересдавала. А мои говнюки не стали копать глубже.

Накажу. Я даже ухмыльнулся. Копать надо уметь. И хотеть это делать, в этом разница хорошего и плохого добытчика сведений.

Я пролистал остальное, что прислали. Отчеты с практик, какие-то ветеринарные клиники, университетские конкурсы, студенческие олимпиады. Куколка хорошо училась, действительно. Место жительства в Москве?

Я невольно напрягся.

Отдаленный район. Совсем не престижный или даже не нормальный. Прописка, в квартире вместе с ней была прописана лишь мама. Обычный врач-терапевт в обычной районной поликлинике. Адрес прописки совпадает с фактическим местом проживания. Я загуглил по картам адрес – спутник показал мне обычную типовую девятиэтажку.

Не понял...

Дальше шло свидетельство о разводе.

Ее мама была разведена с Богачевым Никитой Сергеевичем, когда Олеся была еще ребенком. Вот оно что... Так значит, дочка с папой не дружила особо? Поэтому телефончик ее был самым обычным, не супер модным, даже, я бы сказал, хорошо побывавшим в употреблении. Я же обратил на него внимание в лаборатории, это привычка. Потому что не сходится. Не похожа она на дочку состоятельного дяденьки, который может себе позволить скупать землю в горах. Тут хоть и высоко, но каждый метр стоит прилично.

А сам господин Богачев?

Я перешелкнул файлы. Ну, ничего особенного. Типичный богатый мужик, каких я встречал сотни в Москве. Единственное, что зацепило, то, что он не распылялся на разные виды деятельности. Богачев целенаправленно расширился только в одном – в производстве бетона, изготовлении покрытий из него и прочих штуках. Пара мусорных заводов на окраинах Москвы, куча небольших производств. Отец Олеси опутывал город своей паутинкой, целенаправленно увеличивая свою долю на этом рынке.

Метит в короли?

Ну, может. Только нахрена вот ему земля на Кавказе?

Тротуарной плиткой своей будет тут склоны выкладывать? Я раздраженно захлопнул ноутбук и убрал его в кейс. Не сходится. Не сходится! Я что-то где-то упускаю. Часы на панели пикапа показывали еще пять свободных минут до встречи. Так мало и так много одновременно. Я вышел из машины, оглянулся вокруг. Хорошее место. Всегда любил уличные веранды у ресторанов, но редко позволял себе в них сидеть, открытое пространство. Привыкшее скрываться в тени нутро заставляло сидеть там, где никто не видел.

– Здравствуйте! – длинноволосая девушка в фирменном платье ресторана подхватила меню со своей конторки и направилась ко мне. – Желаете поужинать?

В ее глазах был интерес. Женское любопытство.

Понимаю, тут же все знают всех, а она, наверное, родилась, когда я в училище был. И потом тут не появлялся практически.

– У меня встреча с Богачевым, – вот его-то тут уже точно должны знать в лицо.

– Поняла, пройдемте. Никита Сергеевич вас ожидает.

И даже зовут по имени-отчеству, надо же.

Я пошел за фигуристой хостес, откровенно оценив ее точеную фигурку. Хорошенькая. Тоже яркая, чернявая. Таких я всегда любил. Глаза как черешни, блестящие, лукавые.

А вот моя кукла со своей голубизной небесной только колет меня.

Ну, есть за что.

Я выдернул себя из мыслей об Олеся силой. Кукуху поставьте на место, товарищ полковник запаса, будьте так, мать вашу, добры. Все беды от баб, а у тебя дела.

– Никита Сергеевич, ваш гость, – девушка распахнула передо мной дверь отдельной кабинки и отступила.

Седой.

Это первое, что бросилось в глаза. Никита Богачев был седым как мой отец. В хорошей отглаженной рубашке, со стрижкой и чисто выбритым. Но возраст, его не спрячешь. И это вызывало недоумение. Я-то думал, что он моложе...

Хотя старый волк может быть опаснее по праву опыта.

– Надо же, действительно – мальчик, – отец Олеся усмехнулся.

Я улыбнулся широко и спокойно: и он ошибся, только наоборот. Поддернул джинсы, сел на свое место, принял из рук хостес меню и улыбнулся ей тоже.

Мальчик я, ага...

– Может быть, подать что-то прямо сейчас? Аперитив? Кофе?

– Воды, – буркнул Богачев.

– Хорошо.

Что я, что он смотрели на дверь. Как только она за девушкой закрылась, оба меню легли на стол закрытыми папками. Мы не за угощениями пришли.

Удивительно Олеся на него похожа. Такая же ершистая как папаша. Яблочко от яблони?

– Какие у тебя дела с моим отцом?

– Не знал, что Мурат так плохо воспитал сына, – Богачев хмыкнул. – К старшим принято обращаться на вы, мальчик.

– Звание старшего надо заслужить.

Воздух над столом становился плотнее с каждой секундой.

Чтобы наэлектризовать его угрозой, даже не обязательно повышать голос, это понимает каждый, кто обладает силой.

– Ваша вода! – официант, который не удосужился даже постучать, заставил меня поморщиться, а Богачева оборвал на полуслове.

Вошел, поставил на стол две бутылочки с водой и стаканы. А потом даже подскочил от неожиданности.

– Ага! Водичку, значит, пьете? – в дверях кабинки возникла злющая как чертенок Олеся.
– Отдыхаете, значит?

Глава 10. Амир

Мальчишка-официант испарился.

Проскользнул мимо куколки как привидение, прижимая к себе уже пустой поднос. А молодец, кстати... Вот так проскочить мимо напряженной женщины без повреждений туловища и моральных травм – уметь надо.

– Леся, – Богачев даже растерялся в первую секунду. Начал вставать со своего стула, опираясь на его спинку всей ладонью. – Ты... Что за вид, дочка?

Хм... А мне нравится.

Ее белый халат, в котором она ходила в имении, навевал на определенные мыслишки. Заставлял в паху все вставать по стойке смирно, будто на плацу. Ну и службу нести как положено член был готов сразу же.

Я прищурился.

А как ты, моя драгоценная, из комнаты выбралась, а? Я ж тебя запер, чтобы не натворила чего, пока меня нет. По ходу придется брату медаль выдать за спасение куколок и пинок под задницу, чтобы слишком много языком не трепал и не лез, куда не просят.

– Как ты вышла на улицу в этом? – воспитанный, в отличие от меня якобы, Никита Сергеевич уже пыхтел.

– Ногами! Тебя только этот вопрос сейчас волнует? – она огрызнулась, но воротничок своего халата опять стянула на груди.

– А что не так с внешним видом моего врача? – я даже чуть отклонился в сторону, чтобы увидеть куколку во весь рост.

Стройные ножки, которые я недавно гладил, появлялись из-под короткого халатика, а потом ныряли в широкие голенища сапог. Согласен, вид довольно возбуждающий.

Особенно, если знать, какая на этих ножках кожа шелковистая...

Так, вашу мать! От таких мыслей потом из-за стола подняться будет неудобно, со стоящим хером я ходить не люблю.

– Твоего? – Богачев обернулся ко мне. – Так ты что, доченька, покровителя сменила уже?

– Чего? – возмутилась она. – Папа!

– Что – папа? Я тебе приказал возвращаться в Москву! – я впитывал его эмоции и слова как губка. Бесценная вещь для понимания происходящего. – А ты теперь будешь тут менять кавказцев как перчатки, да?

– Что? – взвизгнула куколка, отступая от отца.

В голубых глазах родилась обида.

Страшная, незаслуженная. От которой мне самому стало больно сразу же.

Я дотянулся до плеча Богачева одним рывком. Сдавил сустав так, что он скривился и попытался перехватить мою ладонь.

– Ты разговариваешь с женщиной, – захотелось отчего-то зарычать. Чтобы пропала из Олесиного взгляда горечь, нужно было смазать ее своими словами срочно, отвлечь девочку. – Выбирай выражения и воздержись от грязных намеков.

– Это моя дочь! – он цеплялся за мои пальцы, но оторвать их от себя не мог.

– Не убедил.

Я достал свободной рукой ключи от машины из кармана. Протянул Олеся на раскрытой ладони:

– Куколка, пойдешь в машину, подожди меня там. Я поговорю с твоим папочкой, а потом с тобой.

– Как он тебя зовет? – Никита Сергеевич даже застыл на мгновение. Всего на мгновение.

– Ты что, уже спишь с ним, Олеся?

– Папа!

– Не говори мне, что это не так!

Я чуть сильнее сжал пальцы.

Невеликое усилие, но человеку в возрасте и этого хватило. Он зашипел, приседая. Перехватил уже мое запястье двумя руками.

– Следи за языком, я сказал.

– Пош-шел ты! – он шипел от боли. – Я скорее сдохну, чем позволю своей дочери лечь под такого, как ты.

– Значит, сдохнешь, – я пожал плечами. – Куколка, в машину шагай.

Точно, яблочко...

Олеся вдруг выпустила свой воротник. Встала ровненько, уперлась ладошками в свою талию и задрала подбородок.

– Не пойду я никуда!

Ух, ты, какой цыпленок боевой...

Мне стало забавно. Какие черноглазые, нахрен они, тут вон какой солдатик имеется под боком. Губы выпятила, пытит чего-то, злится. Так и хочется ее потискать.

Я и потискаю, считай, допросилась уже.

– Олесь, у меня плечи не отвалятся, поверь мне, – я ухмыльнулся. Может, правда, папу за борт, а с ней тут уединиться? Тут вот и диванчик имеется. – Ты реально хочешь, чтобы я опять это сделал? Понравилось?

– Ты не посмеешь! – и шипит как кобра. У отца научилась, по любому. Кровь не водица.

– Что он сделал? – продолжал дергаться в моих руках он. – Что он посмел сделать с тобой, дочка?

Так, хорош концерт устраивать уже.

Я бы еще вот в семейных разборках участвовать не стал, в самом деле.

– В машину, – я снова протянул ей ключи.

– Что ты сделал с моей дочерью, гаденыш?

Красивая... Крылья аккуратного носика раздувались от злости. Я знал, что ей сказал Нури. Предупредил, что я поехал к ее отцу. И то, что она примчалась спасать папочку, говорило громче всяких слов.

А вот дальше получалась насквозь все нелогично.

Училась-то она на бюджете. Дочка богача? Да в ветеринарной академии? Почему не в МГУ на экономическом или на юридическом? Ладно, допустим, она хотела стать ветеринарным врачом с детства, а папа уступил. Но они жили раздельно. Ничто не указывает на то, что он ей помогал финансово. И сейчас он на нее рычит по-настоящему.

Но при этом она прискакала моментально, едва заподозрила опасность для него.

Настолько хорошая дочь?

Может быть, может быть.

Вот только он приехал из столицы именно сюда. Кавказ ведь большой, если более выгодные места для покупки земли. Слишком много совпадений, слишком.

А я не могу просто взять и вытряхнуть из них нужную мне информацию. Я могу физически, это несложно. Я психологически этого сделать не могу. Богачев – старик. Такой же, как мой отец. Пусть он думает, что я не уважаю старших, но это не так.

А она...

Она просто моя фарфоровая куколка с глазами небесного цвета, в которых я бы хотел отражаться.

Я просто не могу... Опять.

– Олеся!

Она фыркнула и, не глядя на отца, выхватила из моих пальцев ключи от машины. Развернулась так, что каштановая копна волос подлетела в воздух. Ударилась о ребро двери, стекла по ней как по моим пальцам тогда. Я тихонечко выдохнул.

Что ж ты делаешь-то, а, со мной... Когда ты успела? Чертов гребанный Кавказ!

Опять все повторяется.

– Если ты ее тронешь, – Богачев вдруг выпрямился под моей рукой. – Если ты причинишь ей боль, я тебя размажу.

– Да что ты? – я готов был ему спасибо сказать за то, что выдернул меня из моих мыслей об Олесе. – Тебе ли говорить, Никита Сергеич?

– В каком смысле?

– Я пока не знаю твоих мотивов на сто процентов, но это дело времени. Ты запихнул дочь в Горское. Сам отправил ее туда, зная, что она будет делать и какие могут быть у этого последствия. И сейчас пытаешься мне угрожать?

Он смотрел на меня как на чудовище.

Немного растерянным, удивленным, обескураженным взглядом. Таким же, как у нее порой, в точности. И от этого стало еще хреновей.

– Думал, прокатит, Никита Сергеич? Нет. Так что давай, рассказывай. Спасай дочку...

Глава 11. Олеся

На девушку-хостес я раздраженно фыркнула.

Неконтактная я сейчас очень! Никогда бы не повела себя так, никогда раньше. Но сейчас – не могу иначе!

Взрослые же люди! Что папа, что этот...

Я стиснула в ладошке автомобильный брелок. «Иди в машину. Жди меня там!» Только приказы свои и привык раздавать, вояка бесчувственный! Приехал тут, раскомандовался. А я, может, и хотела бы к нему нормально относиться, да только как?

Можно же быть нормальным человеком? Не давить, не указывать всем без исключения кому и что делать? Не таскать меня через все имение, как зверь добычу? Да просто хотя бы улыбнуться лишний раз, у него же улыбка красивая.

Я что, много прошу?

Я выскочила на парковку. А какая у него машина? Я что, знаю? В гараже Мурана Нарбиевича я была один раз всего, откуда я знаю, на чем Амир катается? Я посмотрела на брелок, нажала первую кнопку.

Где-то справа глухо загудел сигнал.

И почему это я его слушаюсь?

Я хлопнула себя по карманам халата. А потому что ты балбеска, Олеська. Сюда ты приехала на такси, но телефон свой оставила в имении, на столе в лаборатории. И вызвать другое уже не с чего. Идти по поселку пешком?

В темноте и одной?

Кавказский горный поселок очень для этого подходит, самое то.

Вздыхнув, я побрела к машине Амира. Можно, конечно, попросить ту же хостес вызвать мне машину, вот только возвращаться в ресторан не хочется. Я такая везучая, что он меня обязательно увидит. А я еще не придумала оправдание, как из комнаты выбралась.

Не хочу возвращаться.

Пусть хоть подерутся там. Пусть хоть убьются.

От обвинения отца стало горько вусмерть. Я не успела приехать в Горское, как он приехал следом. Начал меня убеждать, что мне тут не место, что он найдет мне хорошее место в Москве, раз уж мне так хочется работать по профессии. Что здесь живут только злые горцы, у которых нет рамок и уважения к женщинам.

Но я отказалась.

Мне в Горском было хорошо. Мне тут дышалось легче. И лошади! Много лошадей! Я не верила, что отец причастен к их гибели. Он в чем-то плохой человек, да. Он плохо поступил со мной и мамой когда-то. Но животных он бы уничтожить не стал точно.

– Леся! – я услышала зов, едва только взялась за ручку на двери машины.

Нури?

Я поджала губы, заставила себя замолчать, чтобы не вылепить ему свои претензии в лоб. Только испугал меня зря! Я-то подумала, что Амир поехал устраивать перестрелки в стиле Дикого Запада. А они вполне мирно сидели с отцом в ресторане.

Ну, пока что, по крайней мере. Мне так показалось.

И даже за меня он заступился. Второй раз уже.

– Ну, что? – Нури подходил быстрым шагом.

– Что - что? – я не стала открывать машину пока что, повернулась к нему.

– Где Амир? Ты его видела?

– Там, – я кивнула на ресторан. – Пойдешь к нему?

Ощущение, что Нури отправил меня на разведку, а сам трусливо пересидел в кустах, прогнать не получалось. Он боится Амира, это совершенно точно, это читается в его тоне, в его движениях.

– Не-ет, – он мотнул головой. – Мне там делать нечего, я в этих разборках участвовать отказываюсь.

– Почему? Не переживаешь за имение своего дяди? Тебе все равно?

– Мне не все равно, – Нури зло блеснул на меня глазами. – Но я не вижу смысла ни с кем ссориться. Все равно ничего не избежать.

Я задумалась.

Нет. Весь этот ужас можно избежать. Это не случайности. Они такими выборочными не бывают. Не умирает крупный рогатый скот, не гибнет птица. Если бы в имении была инфекция, она бы захватила всю территорию.

И обязательно умер бы кто-то еще.

Но нет. Гибнут только лошади. Причем только племенные, разводные. С рабочими все нормально. Чувство вины придавило меня огромной бетонной плитой.

Плохой я врач.

Я не справляюсь. Я должна была этого избежать, я! И даже то, что это мое первое нормальное место работы меня не оправдывало. Моим дипломом можно подтереться, больше он ни на что не годен.

Бумажка.

– А что ты тут делаешь? – я неловко потерла уголок глаза, откуда пыталась выкатиться предательская слезинка.

– За тобой приехал. Забеспокоился, что с тобой может что-то случиться и приехал. Вот, телефон твой привез, ты забыла.

Обалдеть.

Я взяла свой смартфон из его рук.

– То есть ты дал мне сначала уехать в темноте одной на такси, а потом поехал проверять, в порядке ли я? – я неожиданно для самой себя зарычала. Трус!

– Лесь, – Нури растерялся. – Ты чего?

Я накрыла лоб ладонью и шумно выдохнула.

Отвернулась от парня, цепляясь взглядом за электрический столб поблизости. Спокойно, Олесь. Возьми себя в руки. То, что Амир тебя прогнал и подозревает во всяких гадостях, не должно заставлять тебя становиться такой же злобной и агрессивной.

Люди вокруг не виноваты в том, что между вами происходит какая-то ерунда, которую невозможно понять адекватным разумом.

– Извини, – я покачала головой. – Просто извини, ладно? Не знаю, что со мной.

– Да все нормально, – Нури взял мою руку, разгладил ладошку своей.

А я даже замерла.

Он что, он сейчас вот пытается снова сблизиться? Я попыталась забрать у него свои пальцы, но он только сжал их сильнее.

– Лесь, да не убегай ты от меня.

– Это лишнее, – я подняла на него взгляд и твердо посмотрела в глаза. – Я врач Горского. Я хочу там работать без лишних слухов и проблем. Не нужно усложнять, Нури.

– Горское скоро закроется. Умрут лошади, ему больше не на что будет существовать... Ты останешься без работы, Олесь. Так что подумай, ты просто не можешь, или ты не хочешь усложнять?

Я покачнулась.

Отступила на половину шага назад. Оперлась лопатками о теплый корпус пикапа Амира. Что он говорит...

– С чего ты взял, что лошади все погибнут? Что ты говоришь, Нури?! Как ты можешь?
В его взгляде была жалость.

– Потому что я знаю, от чего они погибают, Олеся. И я знаю, что с тобой сделает Амир, когда тоже это узнает. Лучше тебе согласиться на мое предложение, я увезу тебя к себе, и он тебя тронуть уже не посмеет.

Глава 12. Амир

– Олеся – самое ценное, что есть в моей жизни, понял?

Отпивая глоток воды, я смотрел на Богачева из-под ресниц.

А ведь как-будто бы даже и не врет. Люди вот в таком агрессивном запале редко способны говорить правду. Не могут тратить энергию на контроль за словами и выражение эмоций одновременно.

Либо там, либо там западает что-то.

– Что, не твои миллионы ценны, а дочка? Серьезно? – я расслабленно начал прокручивать пустой стакан на столе одним пальцем.

– Да! – Никита Сергеич даже вперед подался. – Но если ты вдруг подумаешь, что меня можно будет шантажировать этим, то предупреждаю сразу – не выйдет.

Я хмыкнул.

То есть все-таки на одну доску ставить миллионы и дочь Богачев не решается. Надеется, что такой необходимости не случится никогда и немножечко заранее предупреждает.

Ну-ну.

Я посмотрел ему в глаза. Ну, я же не мальчик реально, в конце концов. Неужели он не видит?

– Я никогда не отправлял ее к вам в имение, – он неожиданно сник. По стариковски устало повесил голову, вздохнул. – Я приказываю ей уехать домой с самого начала, ты же слышал. Но она...

Да-а. Наш ветеринарный врач та еще упрямца, я уже понял. Меня это в какой-то мере бодрит и веселит, а вот Никите Сергеичу, видимо, это очень не нравится.

– Олеся никуда не уедет, пока я не разберусь, что происходит в Горском.

– Моя дочь не при чем! – обжигая меня таким же, как у нее взглядом, он вскинул голову. – Мурат мне обещал...

– Что обещал? Какие у вас договоренности у вас с моим отцом?

– Вот у него и спрашивай, – Богачев на удочку не попался. – Я общался с ним, а с тобой мне говорить не о чем.

Я мягко положил пальцы на основание, самую узкую часть стакана.

А хотелось сжать в бешенстве! Так, чтобы лопнуло толстое стекло, чтобы разбежались по нему вверх тонкие трещинки. Чтобы треск был такой же, какой у меня в сердце сейчас.

Она приехала сюда.

Поняла, что может случиться что-то ужасное и примчалась спасать отца. От меня спасать. Будто я монстр какой-то. Не могу сказать, что я ехал на встречу в благодушном состоянии, но и устраивать разборки со стариком тоже не стал бы. Ощущение полного непонимания встало вокруг меня душным плотным облаком.

Ни я не понимаю, что происходит. Ни меня никто не понимает.

Будто я в один момент превратился в того неопытного пацана, который когда-то здесь, на Кавказе обжегся. Только тогда я отсюда фактически сбежал, начал свою жизнь, полную риска и душевного холода. А сейчас – я так не хочу.

Я за это короткое время рядом с ней уже согрелся.

– Спрошу. Обязательно спрошу, – смотреть в глаза Богачеву мне ничего не мешало. Держать душевные муки в узде давно уже научился. – Но как ты понял, сейчас в Горском расправляюсь я. Можешь считать, что твоя дочь у меня в заложницах. И когда я найду, кто травит моих лошадей, если она в этом замешана – ей не поздоровится. Просто подумай об этом, Никита Сергеич.

– Ты что, – он поднялся вслед за мной, цепляясь за остатки нашего разговора. – Ты думаешь, на тебя никакой управы нет, мальчик? Ты думаешь, что разговариваешь с лохом каким-то?

Я прищурился с улыбкой.

Попугать вперемишку с унижением – это святое. Сам практикую.

– Мы на моей родине, – я сделал жест рукой. – Вокруг горы, Кавказ. Ты приезжий, я местный. Здесь решают не деньги, Никита Сергеич, здесь решает кровь. Так что да, никакой управы ты тут на меня не найдешь.

– Только посмей! – я вышел из кабинки под его возмущенное шипение. – Только попробуй с ней что-то сделать! Я к делам твоего отца отношения не имею, ищи там, где ближе!

– Никита Сергеич заказал шашлыка, – я подмигнул черноглазой хостес и положил перед ней заломленную посередине купюру, чтобы оплатить свою бутылку воды. – До свидания.

– Всего хорошего! Заходите еще.

Захотелось хмыкнуть.

Не зайду, девочка. Твои взгляды более чем понятны, но я хочу другую. И кажется, мне уже плевать, виновата ли она. Не знаю, как с этим смириться внутри себя, но отпустить я ее уже точно не смогу.

Почему только моя любовь всегда такая, больная, на фоне предательства всегда проявляется? Что я делаю не так?

Может, напрямую у нее спросить?

Она женщина, она чуткая. А я...

– Нури,пусти меня!

Возмущенный вскрик куколки резанул по нервам как серпом по яйцам.

– Ты не понимаешь, Леся! – я уже видел, как двоюродный брат пытается оттащить мою девочку от моей же машины. И шаг ускорил сразу же.

Сука, я побежал!

– Я должна спросить у Амира!

– Что она не понимает? – воротник футболки брата собрался в кулаке, когда я его сгреб.

Заставил всхрипнуть от неожиданности, замахать неловко руками, потому что рукава тоже задралась вверх. Против меня, годами качавшегося ради выживания в командировках, у него шансов не было.

– Мне объясни, мож, я пойму? Ну, братишка? – кровь ударила в голову.

Вот тогда, много лет назад он сделал то же самое. Мы были молодыми парнями. Такими, у которых адреналин и гормоны кипели в венах дикими горными реками. И я уехал на последний курс училища, уверенный, что моя девушка меня дождет. Моя юношеская любовь, чистая и жаркая.

А когда вернулся, оказалось, что мой брат очень хорошо умеет запудривать женские мозги.

Что они меня оба предали.

– Тебе было мало тогда, да? – пелена с глаз никак не спадала. Время пришло, Олеся спровоцировала между нами этот разговор наконец-таки. Только за это я ей спасибо скажу. – Решил повторить свой финт? Думаешь, сейчас ответки тоже не будет? Будет!

– Амир, брат, – он заблеял, крутясь в моих руках, но вырваться не смог. – Ты все не так понял!

Я все давно понял.

Это единственное, в чем я сейчас точно уверен – брата у меня больше нет. Пора сбросить этот груз.

– Ай! – куколка отскочила, хватаясь за щеки ладошками. – Амир!

Если бы я когда-нибудь мог представить, что именно этого мне долгие годы не хватало!

Кулак вошел в челюсть Нури с привычным для моего уха хрустом костей.

Под костяшками сместились округлые твердые бугорки его зубов. Опалило кожу жаром брызнувшей крови. А душу – омыло очищением. Пора отпустить...

Уже нет смысла закрываться от этой боли. Пора ее принять и открыться для нового. Взять то искрящееся, что щедро дает Олеся, что горит серо-голубым светом в ее глазах.

Я хочу ее. Я хочу быть с ней.

– Амир! – она вцепилась мне в плечо, пытаясь оттащить от Нури. – Амир, прекрати! Послушай!

– Дочка! – голос моего отца в ее телефоне я расслышал сквозь пелену драки.

Кое-как сфокусировался на горящем вызовом дисплее.

– Дочка, где ты? Где Амир?! Дети, Балерина заболела тоже, где вас обоих носит?

Глава 13. Олеся

– Он сказал мне!

Амир двумя руками обхватил мою талию и посадил на высокое сиденье пикапа. И я его не отпустила. Сжала ладонками могучие плечи. В его руках я себя действительно куколкой ощущала: он большой и сильный, а я совсем маленькая рядом.

– Амир, Нури сказал мне, что знает, от чего погибают лошади! – выражение глаз кавказца меня пугало, но я знала, что взгляд отводить нельзя.

Откуда-то знала, что ему сейчас очень-очень больно.

Он страдает. И душа рвалась к нему, хотелось его обнять. Почувствовать под руками, всем телом мощную фигуру, в которой спряталось столько горечи.

Амир скрипнул зубами.

Поправил уголок моего халата и захлопнул дверь машины. Бегом обошел ее вокруг капота. А мне оставалось только следить за ним. Нет, мне не обидно, что он слушать не стал прямо сейчас, не до того.

Некогда!

Мне хотелось реветь.

Балерина. Белоснежная кобыла, которая сейчас была жеребой. Как она могла заразиться, где? Кобыл, которые вынашивали жеребят, в Горском выводили в отдельную, самую сухую и светлую конюшню. Отделяли от всех остальных лошадей и берегли.

– И от чего? – Амир заставил машину развернуться с визгом шин.

– Ты бросишь Нури здесь? – я со страхом вцепилась в ручку на дверце. В последний раз увидела, как двоюродный брат Амира сидит на камнях парковки, держась за голову обеими руками.

– Да. От чего погибают лошади?

– Он не успел сказать, – мне стало холодно от его тона. – Он хотел, чтобы мы поехали к нему и по дороге рассказать. Но не успел, ты ему взялся зубы выбивать.

Мне вдруг показалось, что руль пикапа очень мал для кулаков Амира. Так сжал он его, что обшитое кожей автомобильное рулевое колесо заскрипело.

– Ты всегда так делаешь, да? – я не могла на него не смотреть.

– Как?

– Сначала бьешь, потом спрашиваешь?

– Да.

– Его нельзя здесь оставлять, Амир! Это бесчеловечно и... Он же знает! Мы можем...

– Я ему не верю. Ты справишься сама, – отрезал он, круто закладывая руль на повороте.

Ой, мамочка...

Я же не смогу... Я уже полтора месяца бьюсь над этим всем, а тут беременная кобыла. На ее жеребенка уже есть покупатель, Мурат Нарбиевич говорил. Цена моего лечения – больше двух миллионов рублей. Если я не справлюсь...

– Что он тебе предлагал? – Амир опять заскрипел зубами.

– Кто?

Он просто на меня глянул. Молча, не отвечая на вопрос. А у меня сразу мозги на место встали.

– Нури предложил переехать к нему. Сказал, что когда ты узнаешь причину гибели поголовья, ты меня убьешь, – я сглотнула, ловя на его лице хоть какие-то эмоции. – Ну, я так поняла, что убьешь.

– Спасал от меня, значит? – хмыкнул он.

Не такого ответа я ждала.

Слова о том, что Амир способен стать моим палачом при первой нашей встрече, я помнила. Но хорошо спрятанную боль не почувствовать тоже было нельзя.

Из вечно агрессивного и упрямого кавказца, что никого никогда не слышит, Амир превратился для меня в человека, глубоко раненого в душе. Раненого именно близкими людьми. Поэтому он такой холодный.

Поэтому для него внушать страх проще и легче, чем общаться нормально.

– Что тебе нужно сейчас? – пикап влетел в открытые ворота имения.

– Чемодан! – я выпрыгнула из машины сама, не стала ждать, когда он откроет мне дверь и поможет выйти. – Мой чемодан!

– Где он?

– В лаборатории на столе!

Я ни на секунду не усомнилась, что он найдет именно то, что мне нужно и принесет. Бросилась бегом в конюшню, где стояла до этого времени Балерина. Бежала, не глядя под ноги.

Все фонари в Горском горели.

Ярко освещали территорию, а возле больших ворот уже стояли и дядя Ахмет, и второй, дежурный на эту ночь конюх.

– Дочка...

Я пролетела мимо них, не ответила на приветствие. Мозг сейчас игнорировал все, что не относилось к Балерине. Я справлюсь. Я справлюсь, потому что он мне поверил. Он так сказал, когда я сама себе не верила совершенно. И я не могу его подвести.

Кобыла уже не стояла на ногах.

Лежала, подвернув передние ноги под грудь. Как быстро! Как быстро, моя хорошая, ты упала! По белой шерсти на шее бежали короткие судороги, шкура подергивалась. А солома под мордой блестела в электрическом свете ламп.

Слюнотечение? Откуда?

Я уже потянулась к морде животного рукой, но меня окликнули.

– Вот, – Амир оттолкнул дядю Ахмета и опустился рядом со мной. – Держи.

Я щелкнула застежками чемодана. Что с ней?

Что может быть? Я перебрала все, кажется, на других погибших лошадях. Бешенство, ботулизм, сепсис. Но корма тщательно осматривались ежедневно на предмет порчи и заражения. Если бы был сепсис, то другие бы особи тоже заражались воздушно-капельным. Да и люди, персонал, кто-то точно бы подхватил. Да и время, время! Развитие болезни катастрофически быстрое!

Все остальное – просто не подходило под симптомы.

Не обнаруживалось в анализах!

Я выхватила пустой шприц. Кровь. Первым делом мне нужна ее кровь. Не знаю уже, зачем, она ничего не показывает, но она должна быть.

– Голову ей придержи, – велела я Амиру. – Не испачкайся только.

Мужские руки обхватили морду животного, отвели ее в сторону. Балерина будто и не заметила глубокого укола, не отреагировала на прикосновения Амира. И это тоже царапнуло сознание.

Понимание еще не оформилось в мысль, поэтому я не стала задумываться.

Пока я не знаю, буду действовать так, как планировала.

Пробирка с ярко-желтой жидкостью стояла у меня заготовленной уже несколько дней. И я распечатала новый чистый шприц.

– Что ты хочешь ей уколоть?

Тихий вопрос Амира уколол и меня.

Он контролирует все мои действия. Он смотрит за мной. Он же станет моим палачом, если я своими действиями убью лошадь.

Я отчаянно окинула взглядом Балерину. Большой живот, в котором жил и страдал сейчас явно жеребенок, был твердым даже на взгляд.

Я хочу их спасти.

– Я сама сделала эту сыворотку, – я сдернула колпачок со шприца и стала набирать ее. – У меня нет понятных результатов анализов, Амир. Я иду наугад, понимаешь?

– Она жеребая.

– Я знаю.

Я чувствовала его.

В его эмоциях не было сомнения. Был интерес, может быть, даже страх. Он боялся, что у нас не получится спасти кобылу, и я боялась этого тоже. Но другого выхода нет. Я поставить диагноз не могу. А значит – буду пытаться спасти ее так, как смогу, это моя ответственность и я ее принимаю.

Кобыла на второй укол тоже не отреагировала.

Даже не сократилась кожа в месте входа иглы. Зато с морды протянулась длинная липкая струйка слюны. И мысль в голове оформилась окончательно. Я обернулась отчаянно на Амира, на вспотевшего дядю Ахмета, стоящего за его спиной.

– Дядя Ахмет, вы видите?

– Что? – выдохнул почему-то только Амир.

Радость внутри сломалась об ужас осознания. Если я права... Надо убедиться! Я вскочила, склонилась над головой Балерины и пальцами оттянула веки, раскрыла ей полужакрытые глаза.

– Амир, я поняла, – холодок ужаса будто побежал по рукам. – Я поняла, что это...

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.